

УДК 811.161.1'42
DOI 10.23951/1609-624X-2021-3-40-48

КОНЦЕПТ «ПУТЬ» И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЛИРИКЕ М. А. ВОЛОШИНА

С. А. Иванченко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Актуальность данного исследования, выполненного в рамках новой когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы, для которой характерен принцип антропоцентризма, обусловлена недостаточной изученностью поэтической картины мира М. А. Волошина. Анализ концепта «путь» в творчестве поэта дает возможность детального рассмотрения и описания важных особенностей мировосприятия автора, позволяет установить характерные черты и средства репрезентации данного концепта в его поэтической картине мира.

Целью исследования является выявление особенностей содержания и лексического воплощения одного из ключевых концептов в творчестве М. А. Волошина – концепта «путь».

Материал и методы. Приводятся данные анализа поэтических текстов М. Волошина разных лет, содержащих концепт «путь», с опорой на пространственные параметры пути, выделенные В. Н. Топоровым. Выбор данного концепта обусловлен его особой значимостью для понимания мировидения автора и его места в нем. Исследование включает использование методов концептуального, контекстологического и семантико-стилистического анализа.

Результаты и обсуждение. Рассмотрение некоторых особенностей вербализации концепта «путь» позволило сделать вывод о том, что художественное пространство поэтических текстов М. Волошина представляет собой индивидуально-авторское осмысление бытия и своего места в нем. Данное утверждение обосновывается проведенными видами анализа:

– определением межтекстового ассоциативно-смыслового поля концепта «путь» в текстах М. Волошина, его разветвленности за счет единиц, носящих как традиционный, так и индивидуально-авторский характер (скитальный дух, странствие странствий);

– выявлением направлений ассоциирования (путь–жизнь, путь–поиск, путь–направление, путь–предназначение, путь–выбор, путь–познание, путь–странничество), анализ которых показал наличие синтезирующего характера пути лирического героя (путь земной и путь космический), динамику его развития от существования в пространственных рамках до выхода за пределы времени и пространства;

– детальным анализом лексической структуры поэтических текстов автора, в которых нашел отражение рассматриваемый концепт.

Заключение. Исследование позволяет сделать вывод о том, что в репрезентации концепта «путь» в лирике М. А. Волошина отразилась многоаспектность его личности как философа, мыслителя, поэта. Значимость проведенного исследования заключается в конкретизации идиостиля автора и его поэтической картины мира.

Ключевые слова: *поэтическая картина мира, концепт, языковая личность, М. А. Волошин.*

Введение

Актуальность темы данной статьи, посвященной исследованию концепта «путь», одного из ключевых в творчестве М. А. Волошина, определяется принципом антропоцентризма, характерного для современного гуманитарного знания. Исследование, обусловленное недостаточной изученностью концептосферы М. Волошина, выполнено в рамках новой когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы, позволяющей проанализировать лексическую структуру художественных текстов оригинального поэта, философа, культурного деятеля и определить особенности его поэтической картины мира.

Не вызывает сомнений тот факт, что динамические процессы, происходящие в обществе, отражаются в языке, что такие понятия, как «человек», «язык» и «окружающая действительность», тесно связаны. Благодаря принципу антропоцентризма в языкознании – ключевому в гуманитарном знании в

целом и в частности в лингвистике – язык сегодня рассматривается в тесной взаимосвязи с его носителем. Объектом изучения становится человек, способный совершать речевые действия, – языковая личность. Антропоцентризм в науке о языке позволил вернуть человека в «центр вселенной» [1, с. 64]. В рамках современной научной парадигмы «анализируется человек в языке и язык в человеке» [2, с. 6].

По утверждению Ю. К. Волошина, необходимость изучать язык и человека комплексно дала возможность ученым уделить серьезное внимание проблеме взаимосвязи языка и его носителя [3, с. 132].

В современных лингвистических исследованиях делается акцент на изучении способов и особенностей отражения человека в языке, уделяется серьезное внимание отношению к человеку с позиции коммуникации, изучается роль языка в процессах познания и когнитивной деятельности человека, выясняются особенности существования языка в человеке.

Когнитивная лингвистика как направление в языкознании рассматривает язык в качестве «когнитивного инструмента» – «системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [4, с. 53]. Когнитивное направление в изучении поэтического текста призвано ответить на следующие вопросы:

- о способах репрезентации мира в художественной литературе;
- природе творчества языковой личности;
- лингвокогнитивных механизмах воплощения картины мира человека в его текстовой деятельности.

Являясь мощными инструментами, объясняющими лежащие в основе художественного (поэтического) текста когнитивные процессы, коммуникативная стилистика и когнитивная поэтика позволяют анализировать текст с позиции его создания и восприятия.

Таким образом, когнитивный подход к текстовой деятельности позволяет расширить представления о ментальной основе словесного искусства, а основной задачей, стоящей перед коммуникативной стилистикой и когнитивной поэтикой, является определение связи структур художественного языка с ментальными процессами и единицами знания, а также выявление специфических способов обработки эмоционально-эстетического, художественного опыта языковой личности и способов его репрезентации. Один из самых эффективных способов понять, как работает текст, – это «бросить ему вызов..., проникнуть внутрь него» [5, с. 1–2].

Материал и методы

Материалом данного исследования послужили поэтические тексты М. Волошина разных лет, выбор которых обусловлен содержанием в них ключевого для понимания мировидения поэта и своего места в нем концепта «путь».

В анализе мы опирались на пространственные параметры пути, выделенные В. Н. Топоровым. Исследование включает использование методов концептуального, контекстологического и семантико-стилистического анализа, позволивших выявить лексические репрезентанты исследуемого концепта и их содержание, рассмотреть языковые единицы в разных контекстах – от минимального до сверхконтекста – для выявления актуального смысла слов, осуществить анализ взаимосвязи языковых средств и общей стилистической тональности текстов, рассмотреть семантику слова в контексте.

Результаты и обсуждение

Важнейшим понятием в когнитивной лингвистике является концепт. Данный термин в отечественной науке впервые ввел в понятийный аппарат

С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г., определив его как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [6, с. 32].

В трактовке Е. С. Кубряковой «концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [4, с. 90].

В. И. Карасик понимает концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые, осознаваемые, типизируемые фрагменты опыта» [7, с. 40].

В определении А. А. Залевской концепт представляется «объективно существующим в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективным образованием динамического характера» [8, с. 39]. Рассматривая данное понятие с точки зрения психолингвистики, А. А. Залевская делает акцент на индивидуальной природе концепта, на том, что «концепт – это достояние индивида» [9, с. 235].

С позиции С. Г. Воркачева, концепт – «операционная единица мысли» [1, с. 43], «единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [1, с. 51].

По определению М. В. Пименовой, концепт – это «представление о фрагменте мира» [10, с. 8].

Когнитивная лингвистика определяет концепты и как комплексные дискретные единицы сознания, участвующие в осуществлении процесса мышления, и как единицы хранения человеческого знания [11, с. 54].

В лингвокультурологии концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека»... «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [12, с. 14].

Все обозначенные определения концепта имеют общие характеристики: наличие языковой объективности; принадлежность к единицам концептуальной системы, в которых заключается информация о мире [10, с. 8].

Понятие «художественный концепт» у Л. В. Миллер определяется как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества» [13, с. 41–42].

Н. С. Болотновой предложена трактовка понятия «художественный концепт» с позиций коммуникативной стилистики: «элемент поэтической картины мира автора, отраженный в тексте в образной форме в соответствии с определенными интенциями создателя» [14, с. 54].

Термин «концептосфера» был введен Д. С. Лихачевым, который понимал под ним «совокупность

концептов нации», образованной «всеми потенциями концептов носителей языка» [15, с. 286].

В конце XX в. в терминологическом аппарате лингвистики появилось определение «картина мира», означающее целостный образ мира, который складывается в сознании человека в процессе его познавательной деятельности. Картина мира составлена из концептов и их связующих составляющих, отсюда и понятие «концептуальная картина мира». Концепты, в свою очередь, реализуются прежде всего с помощью языковых средств, чаще всего лексических. Языковая картина мира определяется как «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [16, с. 14].

В современной лингвистике под языковой картиной мира традиционно понимается совокупность знаний о мире, отраженных в языке. В исследованиях по когнитивной лингвистике термины «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» различаются: концептуальная картина мира объемнее языковой картины мира, так как сведения о мире кодируются в ней не только вербально, но и невербально. Также концептуальная картина мира как понятие сложнее, чем языковая картина мира, которая вторична по отношению к концептуальной картине мира: национальный язык «живет» в концептуальной сфере [17, с. 101].

Взаимосвязь человека, языка и культуры позволила ученым ввести понятие «языковая личность», связывающее воедино язык, культуру и личность носителя языка (см. работы Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова, И. Н. Горелова, О. Б. Сиротининой, В. И. Карасика и др.).

По определению, данному Ю. Н. Карауловым, языковая личность «есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [18, с. 38].

Сегодня особое внимание исследователей сосредоточено на проблеме изучения индивидуальной онтологии писателя, рассмотрении основных философско-мировоззренческих констант авторского художественного сознания, эксплицированных в тексте произведений, т. е. на изучении картины мира языковых личностей – представителей элитарной культуры.

В центре внимания ученых – анализ отдельных концептов как составляющих картины мира того

или иного писателя, поэта. При этом исследователи опираются на метод концептуального анализа с целью выявления особенностей художественного мышления автора и рассмотрения языковых способов их репрезентации в тексте. Особое внимание исследователей направлено на изучение творчества поэтов периода серебряного века, выявление основных составляющих идиостиля известных языковых личностей.

Мировосприятие оригинального поэта, философа, культурного деятеля периода серебряного века М. Волошина – вопрос сложный, требующий глубокого и тщательного изучения. Он поэт, заслуживший славу мудреца, пророка, оставив в наследство человечеству уникальные произведения. Он, безусловно, и философ, о чем свидетельствуют и его увлечение оккультизмом, антропософией, и его статьи, стихи, полные глубокого философского содержания, и стремление познать тайну бытия, Вселенной, постичь неведомое. Он и талантливый художник, создавший немало замечательных произведений на тему горячо им любимой Киммерии. И наконец, деятель-гуманист, построивший свой знаменитый Дом Творчества, ставший приютом в разное время бесчисленного множества и друзей, и просто страждущих, нуждающихся в приюте и защите. Одним словом, языковая личность М. Волошина не может не вызывать интереса читателя в силу ее несомненной одаренности и универсальности.

Концептуальная картина мира М. Волошина представляет развернутую и глубокую систему, в которой нашли отражение творческие поиски выходящей личности.

Дискутируя по вопросу классификации и периодизации творческого наследия М. Волошина, некоторые ученые считают целесообразным подходить к его рассмотрению через концепт *странничество* как центральный в творчестве поэта. Так, В. Купченко выделены этапы творческого странничества М. Волошина, соответствующие определенным периодам его жизни: начало пути отличается желанием героя все увидеть и испытать, середина знаменуется переходом от странствий тела к странствию духа, в конце же пути вместе с обретением мудрости приходит изгнанничество [19, с. 38].

В. В. Палачева, поддерживая идею странничества в подходах к периодизации творчества М. А. Волошина, говорит о том, что центральным мотивом каждой из его книг является мотив пути: путь путешественника, познающего мир, в первой книге, путь как внутренняя суть души во второй, пересечение пути поэта и пути страны в третьей, путь человечества в масштабах мироздания в четвертой [20, с. 23].

Соглашаясь с мнением ученых, обратимся к рассмотрению содержания и средств репрезента-

ции концепта «путь» как одного из ключевых в творчестве М. А. Волошина.

Концепт «путь» является важнейшим в мировой культуре с позиции его роли в интерпретации языковой картины мира в пространственно-временном аспекте. Хронотоп – «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [21, с. 247] – основывается на взаимопроникновении категорий пространства и времени. Время «сгущается и становится формой пространства», тогда как пространство «заражается внутренне-интенсивными свойствами времени («темпорализация» пространства), втягивается в его движение, становится неотъемлемо укорененным в разворачивающемся во времени мифе, сюжете (т. е. в тексте). Все, что случается или может случиться в мире мифопоэтического сознания, не только определяется хронотопом, но и хронотопично по существу, по своим истокам» [21, с. 232].

Путь, по утверждению В. Н. Топорова, «не совпадая с пространством, выступает как его квинтэссенция, его интенсифицирующая сумма, его линейный одномерный образ» [22, с. 228–229]. Пространство же «определяется через совокупность путей, способных находиться в нем» [Там же].

Обратимся к параметрам пути, обозначенным В. Н. Топоровым. Во-первых, это его горизонтальность (по земле к центру или от центра к периферии) и вертикальность (в Верхний или Нижний мир). При этом исследователь отмечает, что только обладателям исключительных качеств подвластен путь вертикальный. Другим важным элементом пути В. Н. Топоров считает целеполагание, отмечая при этом, что, наряду с наличием конкретной цели (например, обретение сакральных ценностей), путь может быть самоцелью (странничество, скитальчество, бродяжничество). Также ученым отмечаются такие характеристики пути, как прямой и кривой, широкий и узкий.

Символические значения слова «путь», множественность которых определяется вхождением в структуру хронотопа, это и жизненный путь, и выбор поведения, и предназначение [22, с. 206].

Используем данный подход к поэтическим текстам М. А. Волошина, в которых представлен концепт «путь», опираясь на понятия, введенные в рамках коммуникативной стилистики текста: «текстовое ассоциативно-смысловое поле», коррелирующее с концептом, и «направления ассоциирования», отражающие отдельные грани концепта (см. подробнее: [23, с. 126–127, 258–260; 24]). «Моделирование текстовых ассоциативно-смысловых полей ключевых слов позволяет наглядно представить характер внутритекстовых связей лексических единиц, объединенных концептуально» [23, с. 259].

Межтекстовое ассоциативно-смысловое поле концепта «путь» в текстах М. Волошина представляется достаточно разветвленным и включает следующие единицы: *путь, перепутье, персть путей, дорога, бездорожье, тропа, тропинка; идти, бродить, блуждать, возвращаться; проходить, проходить; искать, найти, познать; странник, изгнанники, скитальцы, скитанья, скитальный дух, посох, нищенства заветы, бродячий; странствие странствий* и др.

Выделяются следующие направления ассоциирования, отражающие разные грани концепта «путь»:

1) путь – жизнь: «*Пройдемте по миру, как дети...*» («Пройдемте по миру, как дети...», 1903) (здесь и далее в статье цитируются стихи М. А. Волошина по изданию [25]);

2) путь – поиск: «*И мы, как боги, мы, как дети, Должны пройти по всей земле... Терять друг друга на пути, Страдать, искать и вновь найти...*» («Второе письмо». 1904–1905);

3) путь – направление: «*И знаю, что приду к отцовскому шатру...*» («Как некий юноша, в скитаньях без возврата». 1913);

4) путь – предназначение: «*Я не просил иной судьбы у неба, Чем путь певца...*» («Склоняясь ниц, оваян ночи синью». 1910);

5) путь – выбор: «*Лишь два пути раскрыты для существ...: Путь мятежа и путь приспособленья*» («Лишь два пути раскрыты для существ...». 1923);

6) путь – познание: «*Жизнь – бесконечное познание... Возьми свой посох и иди!*» («Жизнь – бесконечное познание...». 1901), в том числе и путь – самопознание: «*О, в срывах воль найти, познать себя...*» («Corona astralis». 1909);

7) путь – странничество: «*Изгнанники, скитальцы и поэты, – Кто жаждал быть, но стать ничем не смог... У птиц – гнездо, у зверя – темный лог, А посох – нам и нищенства заветы*» («Corona astralis». 1909).

Рассматривая концепт «путь» с позиций горизонтальности/вертикальности, отмечаем проявление горизонтального пути в связи с актуализацией семантики «дорога», «маршрут»: «*В напрасных поисках за ней Я исследил земные тропы...*» («В напрасных поисках за ней...». 1909); «*Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...*» («Я иду дорогой скорбной...». 1907); «*Я к нагорьям держу свой путь...*» («Я к нагорьям держу свой путь...». 1913) и др.

Эта дорога, «*извилистая*», «*скорбная*», этот «*назначенный*» путь «*дерзанья и сомненья*», «*бездомный*», «*долгий*», «*из края в край и от костра к костру*», эти «*пути-перепутья*» и «*погибельные пути*», исходя из характеризующих их эпитетов, для поэта – самоцель: «*пройти по всей земле*»; «за-

путаться во мгле»; «страдать, искать и вновь найти»; «познать себя»; «искать в пустыне воду»; «бродить среди людей».

На это же указывают и центральные мотивы странничества, бродяжничества, и смысловая текстовая парадигма частотных лексем: *блуждая, бреду, скитанья, изгнанники, скитальцы, странник, прохожий, посох*. Таким образом, раскрывается сущность лирического героя – его неприкаянность и одиночество на пути «блужданий»: «*Чем глубже в раковины ночи / Уходишь внутренней тропой, / Тем строже светит глаз слепой, / А сердце бьется одиноче*» («Чем глубже в раковины ночи...»). 1915). Окказионализм «*одиноче*» придает здесь особый трагический оттенок всему стихотворному фрагменту.

В связи с тем что концепт «путь» тесно связан с концептом «дом», отметим, наряду с мотивами странничества, бродяжничества в лирике М. Волошина, мотив бездомности: «*Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...*» («Как некий юноша, в скитаньях без возврата...»). 1913). С горечью осознавая вынужденность «*растирать в руках колосья хлеба чужих полей*», «*к чужим шатрам идти просить свой хлеб*», лирический герой принимает предназначенное судьбой: «*У птиц – гнездо, у зверя – темный лог, / А посох – нам и нищества заветы*» («*Corona astralis*»). 1909).

Рассматривая вектор движения по земному пути, отметим, наряду с движением «по прямой» («*Иду из края в край и от костра к костру*») и «туда – обратно» («*Я шел и возвращался снова...*»), конечную направленность к дому («*Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель*»).

Преодоление пути происходит пешком, самый частотный глагол *идти* употребляется в разных формах: *пройдемте, должны пройти, иди, иду, приду, шел*. Используются и другие глаголы со значением «передвижение пешком»: *исследил (земные тропы), бродил* и т. п. Даже путешествие по воде пешее («*И я иду по лону вод*»). В этой же связи используются и образы, создаваемые М. Волошиным: *бродячего рапсода, странника, прохожего*.

Постепенно жажду... земных дорог поэт меняет на духовные искания, осознавая свое высшее предназначение. *Предвечность* странствий, уверенность в *неиссякаемости бытия* позволяют говорить о пути блужданий как пути духовного искания поэта, пути становления его духа, о перевоплощении. И это уже путь вертикальный. Об этом М. А. Волошин говорит, по свидетельству Г. Пархоменко, в неопубликованном предисловии к сборнику стихов 1910 г. «Иверни»: «*Лирическое средоточие этой книги – странствие. Человек-странник: по земле, по звездам, по вселенным. Человеческий дух древнее, чем земля и звезды... Вначале странник отдается чисто импрессионистическим впечат-*

лениям внешнего мира («*Странствия*», «*Париж*»), переходит потом к более глубокому и горькому чувству матери-земли («*Киммерия*»), проходит сквозь испытание стихией воды («*Любовь*», «*Облики*»), познает огонь внутреннего мира («*Блуждания*») и пожары мира внешнего («*Армагеддон*»), и этот путь завершается «*Двойным венком*», висящим в межзвездном эфире. Таков психологический чертеж этого пути, проходящего сквозь испытания стихиями: землей, водой, огнем и воздухом» [26].

В стихотворении «*Я верен темному завету...*» (1910) М. Волошин говорит о перевоплощении поэта:

*Я верен темному завету:
«Быть всей душой в борьбе!»
Но змий,
Что в нас посеял волю к свету,
Велев любить, сказал: «Убий».
Я не боюсь земной печали:
Велишь убить, – любя, убью.
Кто раз упал в твои спирали,
Тем нет путей к небытию.
Я весь – внимающее ухо.
Я весь – застывший полдень дня.
Неистоцимо семя духа,
И плоть моя – росток огня:
Пусть капля жизни в море канет –
Нерастворимо в смерти «Я»,
Не соблазнится плоть моя,
Личина трупа не обманет,
И не иссякнет бытие
Ни для меня, ни для другого:
Я был, я емь, я буду снова!
Предвечно странствие мое.*

(1910)

Лексика данного стихотворения включает две тематические группы, находящиеся в оппозиции: жизнь тела и жизнь духа. К первой тематической группе отнесем слова: *земной, небытие, плоть, смерть, труп, личина*; ко второй – *душа, свет, дух, жизнь, бытие, предвечно*, триаду *был, емь, буду*, актуализирующую семантику бессмертия.

Таким образом, отмечаем синтезирующий характер пути, отображенного в данном стихотворении: это путь и земной, и космический, проходящий и в горизонтальной, и в вертикальной плоскостях. Нельзя сказать о траектории этого пути вверх или вниз, определяется растворенность в космическом пространстве «*Я*» – сущности поэта. Наблюдается и достижение желаемой цели – выход за рамки времени и пространства – *предвечное странствие* (в Толковом словаре В. И. Даля *предвечный* – «безначальный, довременный» [27, с. 385]).

«*Блуждания*» лирического «я» вне пространства и времени нашли свое кульминационное воплощение в венке сонетов «*Corona astralis*». Анализ этого цикла на содержательном уровне можно най-

ти в книге С. М. Пинаева «Близкий всем, всему чужой» [28, с. 98–102]. Мы же отметим некоторые особенности данного лирического произведения в рамках обозначенной типологии.

Поэтическое *мы*, проходящее через весь венок сонетов и преобразующееся в отдельных сонетах в *он* и в единожды упомянутое *я*, раскрывается в конце 7-го сонета: *изгнанники, скитальцы и поэты*. Кроме того, в первой строке первого сонета «*мы*» соотносится со словом «*кометы*», образуя ряд: «*мы – кометы – поэты (изгнанники, скитальцы)*». Образ конкретизируется благодаря лексемам «*беглецы*», «*избранники*», «*отступник*», «*жрец*» (*себя забывший*), «*бог*», характеристикам, содержащимся в эпитетах: *дерзкий, древний, темный, звездный, горький, певучий дух*, синтаксическим конструкциям: «*кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев*», «*кому погибель не дана*», «*кто видит сны и помнит имена*». Все это способствует пониманию сущности «героев» венка сонетов как избранных, наделенных бессмертием, временно пребывающих на Земле.

Траектория движения – «*к солнцу*» и назад «*от солнца*», свободный полет «*по путям парабол*», «*путь в пространствах вечной тьмы*» – свидетельствует о неприкаянности «скитальцев» и непохожести на «земных» людей. Об этом же говорит и сравнение: «*как пчелы мы, отставшие от роя*».

Цель *изгнанников, скитальцев и поэтов* – нести вдаль «*вселенских бурь блуждающие свет*», что дает основание рассматривать путь как предназначение поэта.

Заключение

Анализ лирических текстов М. Волошина разных периодов позволил выявить специфику содержания концепта «путь» и его лексического воплощения, заключающуюся в следующем:

1) ассоциативные направления, вербализованные в лирике поэта, отражающие разные грани концепта, являются характерными как для класси-

ческой литературы в целом («путь – жизнь», «путь – направление»), так и для литературной мысли периода конца XIX – начала XX в. («путь – поиск», «путь – выбор», «путь – познание (самопознание)»), связанными с атмосферой тревоги перед будущим, неуспокоенности, поиска себя в сложных жизненных реалиях;

2) отдельные лексемы (*путь, перепутье, блуждания, бездорожье, скитанья, странствия, странник, изгнанники* и др.) и сверхсловные единицы, включая эпитеты (*дорога извилистая, скорбная, путь бездомный, долгий, путь скорбный*), метафоры (*растирать в руках колосья хлеба чужих полей, к чужим шатрам идти просить свой хлеб* и др.), репрезентирующие концепт «путь», дают представление о понимании автором своего места в «земной» жизни;

3) лирический герой – герой избранный – находится вне времени, земная жизнь героя – вынужденный акт, который, впрочем, воспринимается им без отрицания (*земля – священный край изгнания*). Изгнанный из «дома», именно потому и находится в состоянии постоянного блуждания, неприкаянности: нет возврата скитальцам, несущим в себе свое изгнание, к манящим «*светам*», и в то же время нет постоянного пристанища в чужом, земном мире. Остается *странствие странствий* – бесконечное блуждание, в котором, однако, есть смысл, цель – *найти, познать себя* и, подобно *бродячему рабоду*, вершить долг поэта.

Необходимо подчеркнуть, что в целом путь поэта к своему высшему «Я», несмотря на все трудности и мытарства, сопровождается его полным приятием: «*Благодарю за неотступность боли // Путеводительной: я в ней сгорю. // За горечь трав земных, за едкость соли // Благодарю*» («Склоняюсь ниц, оваян ночи синью...»). 1910).

С концептом *путь* связаны другие ключевые концепты в творчестве М. Волошина: *свобода, любовь, Родина*, освещение которых не входило в задачи данной статьи.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
3. Волошин Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 282 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.
5. Pope Rob. Textual intervention: Crit. a. creative strategies for lit. studies. London; New York: Routledge, 1995. XVI. 213 p.
6. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. С. 28–44.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Перемена, 2002. 477 с.
8. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36–44.
9. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005. С. 234–244.

10. Попова З. Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2009. Вып. 4. С. 52–58.
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
12. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. Вып. 4. С. 3–11.
13. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
14. Болотнова Н. С. Типы вербализованных в тексте художественных концептов и их взаимодействие // Сибирский филол. журнал. 2005. № 3–4. С. 54–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-verbalizovannyh-v-tekste-hudozhestvennyh-kontseptov-i-ih-vzaimodeystvie/viewer> (дата обращения: 13.12.2020).
15. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
16. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским синтаксическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–16.
17. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. 369 с.
18. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
19. Купченко В. П. Странствие Максимилиана Волошина: документальное повествование. СПб.: Logos, 1996. 542 с.
20. Палачева В. В. Поэма «Путями Каина» в контексте культурофилософских исканий М. А. Волошина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 229 с.
21. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
22. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
23. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-гезаурус. Томск: ТГПУ, 2008. 384 с.
24. Болотнов А. В. Вербализация концепта *хаос* в поэтическом дискурсе серебряного века (на материале творчества М. И. Цветаевой, М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама). Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 287 с.
25. Волошин М. А. Жизнь – бесконечное познание: стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подготовка текстов, вступительная статья, краткая биохроника, комментарии В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 576 с.
26. Пархоменко Г. Лирика творчества Максимилиана Волошина в связи с тайной его Высшего «Я». URL: <http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/Parhomenko-lik-tvorchestva-M-Voloshina-v-svyazi-s-taynoy-ego-vysshego-Ya.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).
27. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. 555 с.
28. Пинаев С. М. Близкий всем, всему чужой... Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века. 2-е изд., исп. и доп. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2009. 341 с.

Иванченко Светлана Анатольевна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).
E-mail: sveta.ivanchenko@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.02.2021.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-3-40-48

THE CONCEPT “PATH” AND ITS LEXICAL REPRESENTATION IN THE LYRICS OF M. A. VOLOSHIN

S. A. Ivanchenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The relevance of this study, carried out within the framework of a new cognitive-discursive linguistic paradigm, which is characterized by the principle of anthropocentrism, is due to the insufficient study of the poetic picture of the world by M. A. Voloshin. Analysis of the concept «path» in the poet’s work makes it possible to examine in detail and describe the important features of the author’s worldview; allows to establish the characteristic features and means of representation of this concept in its poetic picture of the world. The aim of the study is to identify the features of the content and lexical embodiment of one of the key concepts in the work of M. A. Voloshin – the concept “path”.

Material and methods. The article provides data on the analysis of M. Voloshin’s poetic texts of different years, containing the concept of «path», based on the spatial parameters of the path identified by V. N. Toporov. The choice of this concept is due to its special significance for understanding the author’s worldview and his place in it. The research includes the use of methods of conceptual, contextological and semantic-stylistic analysis.

Results and discussion. Consideration of some of the features of the verbalization of the concept «path» made it possible to conclude that the artistic space of M. Voloshin's poetic texts is an individual author's understanding of being and his place in it. This statement is substantiated by the types of analysis carried out:

– the definition of the intertext associative-semantic field of the concept «path» in the texts of M. Voloshin, its ramification due to units that are both traditional and individual-author's character (wandering spirit, wandering wanderings);

– identifying directions of association (path-life, path-search, path-direction, path-destination, path-choice, path-knowledge, path-wandering), the analysis of which showed the presence of a synthesizing character of the path of the lyrical hero (earthly and cosmic paths), the dynamics of its development from existence within the spatial framework to going beyond the limits of time and space;

– a detailed analysis of the lexical structure of the author's poetic texts, in which the concept under consideration is reflected.

Conclusion. The study allows us to conclude that in the representation of the concept “path” in the lyrics of M. A. Voloshin reflected the multidimensionality of his personality as a philosopher, thinker, poet. The significance of this research lies in the concretization of the author's idiostyle and his poetic picture of the world.

Keywords: poetic picture of the world, concept, linguistic personality, M. A. Voloshin.

References

1. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 64–72 (in Russian).
2. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: ucheboye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Linguoculturology: textbook. manual for stud. higher. study. institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
3. Voloshin Yu. K. *Obshchiy amerikanskiy sleng: sostav, derivatsiya i funktsiya (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Common American Slang: Composition, Derivation and Function (Linguocultural Aspect)]. Krasnodar, Kuban. State University Publ., 2000. 282 p. (in Russian).
4. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A short dictionary of cognitive terms]. Ed. E. S. Kubryakova. Moscow, Philological Faculty of Moscow State University M. V. Lomonosov Publ., 1996. 245 p. (in Russian).
5. Pope Rob. *Textual intervention: Crit. a. creative strategies for lit. studies*. London; N.Y.: Routledge, 1995. XVI. 213 p.
6. Askoldov-Alekseyev S. A. Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaya rech. Novaya seriya* [Russian speech. New series]. Leningrad, 1928. Pp. 28–44 (in Russian).
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
8. Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta [Psycholinguistic approach to the concept problem]. *Metodologicheskiye problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001. Pp. 36–44. (in Russian).
9. Zalevskaya A. A. Kontsept kak dostoyaniye individa [Concept as the property of an individual]. *Slovo. Tekst. Izbrannyye trudy* [Word. Text. Selected Works]. Moscow, 2005. Pp. 234–244 (in Russian).
10. Popova Z. D. K probleme unifikatsii lingvokognitivnoy terminologii [On the problem of unification of linguocognitive terminology]. *Vvedeniye v kognitivnyu lingvistiku. Vyp. 4* [Introduction to cognitive linguistics. Issue 4]. Kemerovo, 2009. Pp. 52–58 (in Russian).
11. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2004. 982 p. (in Russian).
12. Pimenova M. V. Predisloviye [Preface]. *Vvedeniye v kognitivnyu lingvistiku. Vyp. 4* [Introduction to cognitive linguistics. Issue 4]. Kemerovo, 2004. Pp. 3–11 (in Russian).
13. Miller L. V. Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Artistic concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova – The World of Russian word*, 2000, no. 4, p. 39–45 (in Russian).
14. Bolotnova N. S. Tipy verbalizovannykh v tekste khudozhestvennykh kontseptov i ikh vzaimodeystviye [Types of artistic concepts verbalized in the text and their interaction]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2005, no. 3–4, pp. 54–60 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-verbalizovannykh-v-tekste-hudozhestvennykh-kontseptov-i-ikh-vzaimodeystvie/viewer> (accessed 13 December 2020).
15. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [Concept of the Russian language]. *Russkaya slovestnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya*. Pod red. V. P. Neroznaka [Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text. Anthology. Under. ed. V. P. Neroznak]. Moscow, Akademiya Publ., 1997. Pp. 280–287 (in Russian).
16. Shvedova N. Yu. Teoreticheskiye rezul'taty, poluchennyye v rabote nad «Russkim sintaksicheskim slovarem» [Theoretical results obtained in the work on the “Russian syntactic dictionary”]. *Voprosy yazykoznanija – Voprosy Jazykoznanija*, 1999, no. 1, pp. 3–16 (in Russian).

17. Grishayeva L. I., Tsurikova L. V. *Vvedeniye v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003. 369 p. (in Russian).
18. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Izdaniye 7-e [Russian language and linguistic personality. Ed. 7th]. Moscow, LKI Publ., 2010. 264 p. (in Russian).
19. Kupchenko V. P. *Stranstviye Maksimiliana Voloshina: Dokumental'noye povestvovaniye* [The Wanderings of Maximilian Voloshin: A Documentary Narration]. Saint Petersburg, Logos Publ., 1996. 542 p. (in Russian).
20. Palacheva V. V. *Poema «Putyami Kaina» v kontekste kul'turofilosofskikh iskanii M. A. Voloshina. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The poem "In the Ways of Cain" in the context of the cultural and philosophical searches of M. A. Voloshin. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2003. 229 p. (in Russian).
21. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (in Russian).
22. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983. Pp. 227–284 (in Russian).
23. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative text stylistics: dictionary-thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
24. Bolotnov A. V. *Verbalizatsiya kontsepta khaos v poeticheskom diskurse serebryanogo veka (na materiale tvorchestva M. I. Tsvetayevoy, M. A. Voloshina, O. E. Mandel'shtama)* [Verbalization of the concept of chaos in the poetic discourse of the Silver Age (based on the works of M.I. Tsvetaeva, M. A. Voloshin, O. E. Mandelstam)]. Tomsk, TSPU Publ., 2010. 287 p. (in Russian).
25. Voloshin M. A. *Zhizn' – beskonechnoye poznan'ye: stikhotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya. Sostavleniye, podgotovka tekstov. Vstupitel'naye stat'ya, kratkaya biokhronika, kommentarii V. P. Kupchenko* [Life is infinite knowledge: verse and poems. Prose. Memoirs of Contemporaries. Dedication. Compilation, preparation of texts, introductory article, short biochronicle, comments by V. P. Kupchenko]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1995. 576 p. (in Russian).
26. Parkhomenko G. *Liki tvorchestva Maksimiliana Voloshina v svyazi s taynoy ego Vysshego «Ya»* [Faces of Maximilian Voloshin's creativity in connection with the secret of his Higher Self] (in Russian). URL: <http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/Parhomenko-lik-tvorchestva-M-Voloshina-v-svyazi-s-taynoy-ego-vysshego-Ya.pdf> (accessed 11 Oktober 2020).
27. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. v 4 t. T. 3* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 555 p. (in Russian).
28. Pinayev S. M. *Blizkiy vsem, vsemu chuzhoy... Maksimilian Voloshin v istoriko-kul'turnom kontekste serebryanogo veka. 2-e izdaniye, ispravlennoye i dopolnennoye* [Close to everyone, a stranger to everything ... Maximilian Voloshin in the historical and cultural context of the Silver Age. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow, RUDN Publ., 2009. 341 p. (in Russian).

Ivanchenko S. A., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: sveta.ivanchenko@mail.ru